

Так надо, мама...

За 10 лет войны в Афганистане погибли 711 белорусов. На долю тысячи с лишним родителей выпало самое страшное: пережить своих детей...

Вера Капота долго не могла успокоиться после заседания административной комиссии, на которой её сына на все лады склоняли за участие в групповой драке. И даже дома за ужином продолжала чихвостить Игоря за необдуманый поступок. Парень угрюмо отмалчивался, лишь однажды попытался оправдаться:

–Так надо, мам. Не могу я ребят бросить...

При этих словах встрепенулся присутствовавший при воспитательной беседе супруг Веры Фёдоровны Алексей Леонович. Как любой нормальный мужчина, ничего предосудительного в мальчишеской драке он не увидел:

–Правильно, сын, так всегда и поступай. Только смотри, чтобы друзья были настоящими, а дело стоящим...

Игорь Капота рос обыкновенным деревенским пареньком. Вместе со сверстниками совершал набеги на прибытковские фруктовые сады, ходил в лес по грибы, которые очень любил и умел собирать, сбегал с уроков, играл в индейцев, помогал родителям по хозяйству. Но была у сельского парнишки мечта, которую он ни от кого не скрывал: служба в воздушно-десантных войсках. Потому и не чурался Игорь никакой, даже самой тяжёлой физической работы, понимал — для деревенского подростка это чуть ли не единственный способ накачать мышцы. Правда, ещё в четвёртом классе школы на желании Игоря

встать в ряды крылатой пехоты едва не был поставлен крест.

...В 70-е годы прошлого века под впечатлением от дэфовских фильмов с участием Гойко Митича все мальчишки Союза поделились на благородных «индейцев» и коварных «бледнолицых». Естественно, Игорь Капота, с малолетства обладавший обострённым чувством справедливости, вооружился самодельным луком и стрелами. Как-то выпущенная неумелой рукой стрела застряла на дереве. Очень не хотелось Игорю лезть на верхотуру, но старшие мальчишки подначивали: трус! Собравшись с духом и памятуя, что настоящий десантник не боится ни чёрта, ни дьявола, Игорь стал карабкаться по ветвям. С одного сука на другой, третий, и вдруг четвёртый хрустнул под ногами...

С пятью переломами и вывихом кисти Игорь надолго оказался в больнице. Но не так были страшны физические травмы, которые в конце концов зажили, как душевное смятение: путь не то что в небо, а просто в армию теперь закрыт.

Сегодня в это можно не верить, но в те годы штамп в приписных военкоматовских документах «не годен» был равносителен клейму, обозначававшему человека второго сорта. Для подростков тех далёких лет «белый билет» был страшнее, чем даже судимость. Поэтому Игорь Капота решил приложить все силы, чтобы быть не хуже других. И даже наоборот — лучше. В отличие от многих сверстников никогда не курил, к спиртному был абсолютно равнодушен, часами мог заниматься на сооружённом во дворе турнике, «баловаться» гантелями и пудовой гирей. Алексей Леонович, воспитывавший сына в строгости, только поощрял эти увлечения.

Порой даже с женой ругался, которая в сыне души не чаяла.

— Мать, — выговаривал он строго Вере Фёдоровне, — ты мне парня не балуй! Он мужик, сызмальства должен к трудностям привыкать. Кто знает, сколько их на его веку встретится.

Как в воду смотрел...

После окончания восьмилетки Игорь поступил в строительное СПТУ-22 в Гомеле. Учился неплохо, хотя в отличниках никогда не числился. Зато на все сто использовал возможности, предоставляемые крупным городом. Нет, места именуемые в народе злаными, Игорь упорно продолжал обходить стороной, зато не вылезал из тренировочных залов. Занимался и борьбой, и боксом, и лёгкой атлетикой, и волейболом. Не для рекордов — для себя. Когда позволил возраст, записался в аэроклуб ДОСААФ, где совершил несколько прыжков с парашютом.

Поэтому, когда пришла повестка из военкомата, обрадовался. Потому что был уверен: не за горами время, когда он гордо наденет тельняшку и голубой берет десантника. Но на призывной комиссии детская мечта вновь едва не рухнула: члены медкомиссии решили, что такому крепышу, как Игорь Капота, самое место в военноморском флоте. Один из офицеров в ответ на просьбу парня не посылать его на службу в ВМФ даже пошутил:

— Так ведь там тоже тельняшку носить будешь. Целых три года.

Как их сыну удалось уговорить военкома и попасть служить в подразделение спецназа в Марьиной Горке — для отца с матерью до сих пор остаётся загадкой. Тем более что у Веры Фёдоровны даже от сердца отлегло, когда перед её Игорем замаячила перспектива трёхлетней морской

службы: море не речка, которую можно перейти. И которую в 1980 году наши войска уже перешли, начав выполнять свой интернациональный долг в далёком и малопонятном Афганистане.

ДРА... Это сокращённое название азиатской страны для последнего десятилетия существования СССР стало знаковым. Для одних Афган синоним доблести и отваги, для других — трусости и подлости. Для родителей тех, чьи дети служили «за речкой», Афганистан превратился в ноющую рану на сердце. Для одних — на полтора года, для других — на всю оставшуюся жизнь.

К середине 80-х советский народ уже знал — в Афганистане идёт настоящая война. Невозможно уже было скрывать один за одним прибывающие в Союз «чёрные тюльпаны» с грузом 200 на борту. В военных госпиталях целые корпуса отводились для раненых и искалеченных осколками мин и снарядов. Всё чаще на улицах мирных городов и посёлков стали появляться загорелые молодые ребята с невыразимой грустью в глазах и боевыми медалями и орденами на груди.

...Ныло сердце Веры Фёдоровны, ох, ныло. Материнское сердце ведь не обманешь. И даже уверения одного из работников военкомата, что «из Марьиной Горки туда ещё никого не брали» не смогло притупить чувства безотчётной тревоги. Когда же под Рождество 1985 года из части, где служил сын, пришла телеграмма, в которой чету Капота просили по возможности быстро приехать, чтобы увидеться с сыном, Вера Фёдоровна бессильно опустила на стул: Афган...

Недолгим было прощание. Возмужавший, в ладно сидевшей десантной форме с погонями

младшего сержанта на плечах, Игорь смущённо переминался с ноги на ногу:

— Так надо, мама. Не могу я ребят бросить...

Как оказалось, 28 человек из Игорева призыва, преимущественно гомельчане, добровольно написали рапорты с просьбой направить их для выполнения воинского и интернационального долга в ДРА.

— Ну, даёте, ребята! — пытался бодриться Алексей Леонович. И даже шутил. — Решили, как 28 героев-панфиловцев, грудью на танки?

А у самого дрожали руки и предательски поблескивали глаза.

Письма из Афганистана Игорь писал часто. Да что из них можно было узнать? О погоде, о природе, о друзьях-товарищах. Не то что писать — вслух говорить о том, где и какие задания выполняют бойцы из спецназа ГРУ, было категорически запрещено. Да матери это и не надо было, главное, что жив её ненаглядный сынок. Жила от письма до письма, каждый раз с облегчением вздыхая, разглядывая знакомый почерк на конверте. Когда получила известие, что Игорь с желтухой лежит в кабульском военном госпитале, поначалу всполошилась, но Алексей Леонович успокоил: коль в госпитале, значит, месяц безопасности гарантирован. А то и больше, ведь после выздоровления период реабилитации полагается.

Последнее письмо от Игоря пришло 29 сентября. Писал, что из госпиталя выписался, что уже два дня как в родном подразделении, что чувствует себя хорошо. Только в самом конце сын сообщал, что вместе с группой уходит на очередное задание. И словно оправдываясь: «Так надо, мам. Не могу я ребят бросить...»

Первого октября раздался звонок в дверь. Едва увидев на площадке военкома, Вера Фёдоровна поняла: её Игоря больше нет. Дальше — провал. Она не помнит, что делала, не воспринимала сочувствующих слов офицера и представителей власти. Не слышала их рассказа о том, что, возвращаясь с задания, группа разведчиков попала в засаду и была заброшена гранатами. Что её Игорь принял на себя основную массу осколков, тем самым сохранив жизнь многим сослуживцам, и за этот подвиг посмертно награждён орденом Красной Звезды. Всё это она узнала потом, от очевидцев гибели её сына. А пока одна мысль не давала покоя: Игоря нет и не будет, но жить всё-таки надо. Дочку растить, мужа, единственного наследника лишившегося, поддерживать...

Более четверти века минуло с той поры. Много хорошего и плохого произошло в жизни семьи Капота за это время. Родилась и выросла внучка, Вера Фёдоровна и Алексей Леонович стали пенсионерами. Долго не верилось им в смерть единственного сына, только пять лет спустя после его гибели решили они переписать на себя и отремонтировать дом в деревне, где после службы в армии собирался жить Игорь. Вера Фёдоровна часто представляет, каким бы стал её сын, если бы не война. Ведь сейчас ему было бы уже за сорок. Вон его однополчане Саша Соловьёв, Паша Федорцов, Олег Жихарев солидными людьми стали, высокие должности занимают. Но о матери своего погибшего друга не забывают, звонят часто, в гости приезжают, помогают, чем могут.

Боевое братство — братство особое. А когда уезжают гости, Вера Фёдоровна садится напротив фотографии Игоря, которая всегда

стоит на видном месте и... Нет, не плачет, а думает. Думает о тех сотнях белорусских отцов и матерей, которые обречены вот так-же всегда видеть своих сыновей двадцатилетними. Они не пользуются никакими особыми льготами, невоевавшие родители воевавших детей. Они незаметно живут среди нас, с непроходящей болью утраты в душе и гордостью за своих сыновей. За тех, кто до конца выполнил свой воинский долг. А вот сыновний не успел...

Александр ЕВСЕЕНКО